

**Первая измена
жены**

**Разбор с психологом
Алексом Смирновым**

**Две
ПОЛОСКИ**

**У меня очень болел
зад... но я терпела**

Алекс Смирнов

18+

Алекс Смирнов

**Первая Измена Жены Плюс
разбор Психолога Алекса
Смирнова "Две полосы"**

«Автор»

2026

Смирнов А.

Первая Измена Жены Плюс разбор Психолога Алекса Смирнова
"Две полоски" / А. Смирнов — «Автор», 2026

Это не просто история. В конце книги вас ждёт подробный разбор от Алекса Смирнова — психолога КПТ, Пикап и бизнес-тренера с 30-летним стажем. Он разберёт каждого героя: почему Оля выбрала «плохого», почему Мишка проиграл, и как Генка ею пользовался. Вы увидите механизмы, которые работают в тысячах семей. И, возможно, узнаете себя. Для кого эта книга: Для женщин, которые путают тревогу с любовью Для тех, кто выбирает «ярких» и страдает от «скучных» Она изменила надёжному мужу с тем, кто бросил её три года назад. Он обещал ей Париж, шубу и яхту. Она мыла ему полы, тратила деньги, которые они с мужем копили на квартиру, и верила каждому слову. А потом он продал квартиру и исчез. А она осталась с двумя полосками и пустой картой. Это история про то, как женщина перепутала тревогу с любовью, а хорошего мужа — с тьюфом. Про то, как манипулятор играет на чувствах, а надёжный человек обесценивается до «скучного». И про то, что бывает, когда за красивыми словами нет ни одного поступка.

© Смирнов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление от эксперта по отношениям Алекса Смирнова	6
Пролог	7
1 глава Всё как всегда	8
2 глава Неизвесный номер	11
3 глава Джин из бутылки	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алекс Смирнов
Первая Измена Жены Плюс
разбор Психолога Алекса
Смирнова "Две полоски"

1 глава

Вступление от эксперта по отношениям Алекса Смирнова

Здравствуйте. Меня зовут Алекс Смирнов, я психолог КПТ, бизнес-тренер с тридцатилетним стажем и тридцатилетним опытом в пикапе. То, что вы сейчас читаете, — не просто история. Это учебник по токсичным динамикам, написанный самой жизнью. Здесь есть всё: идеализация, обесценивание, эмоциональные качели, будущее фейкование, созависимость и когнитивные искажения. Прочитайте рассказ до конца. А после — я дам подробный разбор каждого героя. Вы увидите, почему женщины выбирают «плохих», почему хорошие парни проигрывают и как не попасть в эту ловушку. Итак, история.

Пролог

Дверь распахнулась.

Из квартиры пахло перегаром, дымом и какой-то застоявшейся сыростью. В коридоре было темно, и Генка щёлкнул выключателем. Свет выхватил разбросанные вещи, какие-то газеты, бумаги, тряпки на полу. В кухне, мимо которой они проходили, громоздилась гора грязной посуды. Раковина была завалена тарелками, чашками, какими-то банками. На столе — пустые бутылки.

Оля даже не заметила.

Она смотрела только на Генку. На его спину, на то, как он идёт впереди, как уверенно распахивает дверь в комнату.

Он столько лет меня любит, — думала она. — Он всё понимает. Он чувствует меня. Он помнит всё. И он очень хороший. Просто ему было трудно. Просто он не мог по-другому. А теперь он вернулся. Ко мне.

Генка провёл её в спальню. Кровать была не заправлена — бельё скомкано, подушка валялась на полу. Но она этого не видела. Сердце её стучало как бешеный мотор.

Генка больше не целовал её. Он стянул через голову её платье — то самое, новое, которое Мишка выбирал для неё, откладывая деньги, — и бросил его в грязный угол. Уложив её на кровать, он одним махом стянул её ажурные трусики и кинул куда-то за кровать.

Оля увидела его огромный член, который стоял колом. Он был на много больше, чем у Мишки. Она уже забыла про это и сейчас она с ужасом понимала, что он будет входить в неё. Оля смотрела широко раскрытыми глазами как Генка развёл широко её ножки и плюнув на свой огромный член начал пытаться зайти в неё.

Как не старалась Ольга сдерживать стоны, но, когда Генка очередной раз чертыхаясь и матерясь надавил своим членом Ольга завизжала как дикая кошка.

— Ой Геночка больно, больно!!!

— Расслабься дура!!! Сейчас войдёт!

1 глава Всё как всегда

Оля сидела за своим столом в бухгалтерии городской конторы и зевала так, что сводило скулы. Бумаги, папки, скрепки, отчёты — всё это плыло перед глазами, как рябь на воде. Сегодня был обычный день, не отчётный, а потому время тянулось медленно и лениво, как жвачка, прилипшая к подошве.

Она вздохнула и откинулась на спинку стула. В окно бил тусклый осенний свет, за стеклом кто-то курил у крыльца, слышался смех. Оля машинально поправила воротничок блузки, посмотрела на часы — до обеда ещё целая вечность. В такие минуты она особенно остро чувствовала, что жизнь её какая-то... плоская, что ли. Ни приключений, ни страстей, ни даже маленького безумия. Работа, дом, дача, работа. И так по кругу.

— Привет, — раздалось от двери.

Оля обернулась. В дверях стоял Мишка — муж. В рабочей куртке, с чуть растрёпанными волосами, с улыбкой на круглом, добродушном лице. Он работал шофёром в этой же конторе, и его появления здесь были обычным делом: то документы привезти, то забрать, то просто заскочить на минутку.

— Привет, — улынулась Оля. — Ты чего?

— Да вот, заскочил, — Мишка подошёл к столу и протянул ей шоколадку в блестящей обёртке. — Держи. «Алёнка». Твою любимую помню.

Оля взяла шоколадку, и на душе стало теплее.

— Спасибо, Миш. Ты прямо как Дед Мороз среди лета.

— Ну, до лета далеко, — засмеялся он. — Как дела-то? Скучаешь?

— Ага. Скучаю, — честно призналась она. — Всё как обычно. Бумаги, бумаги, бумаги... Голова кругом, когда отчёты, а так — тоска зелёная.

— Это точно, — кивнул Мишка и присел на краешек стула напротив. — У меня тоже сегодня рейс отменили, так что я в гараже прохлаждаюсь. Думал, зайду, проведу.

Они посидели ещё пару минут, поболтали о пустяках, и Мишка убежал — работа ждать не будет. Оля проводила его взглядом и развернула шоколадку. Тёмный шоколад таял во рту, а она смотрела в окно и вдруг подумала о том, как всё-таки странно устроена жизнь.

Они с Мишкой были женаты три года. Познакомились здесь же, в конторе, когда Оля только пришла после института. Мишка тогда показался ей большим и надёжным, как скала. Он не говорил красивых слов, не бросал пыльных фраз, но всегда был рядом: помогал перетаскивать коробки с архивами, подвозил домой, когда она задерживалась. А после того, как её бросил Генка, Мишка и вовсе стал её тенью — тихой, спокойной, оберегающей.

Генка... Оля вздохнула. Ну зачем она вспомнила о нём? Прошло уже столько времени, а иногда всё равно как будто иголкой кольнёт. Генка был другим. Ярким, дерзким, с ним было весело и страшно одновременно. Он мог среди ночи позвонить и сказать: «Поехали на речку!» — и они ехали, и смеялись, и целовались под звёздами. А потом он так же внезапно исчезал на неделю, не отвечал на звонки, и Оля места себе не находила. Он был разгильдяем, тем самым «р*****», как она теперь с горечью и усмешкой называла его про себя. На него нельзя было положиться ни в чём. А потом он просто собрал вещи и уехал в город — сказал, что там у него перспективы, а Оля «тормозит его развитие». И всё. Ни «прощай», ни «извини». Просто дверь захлопнулась.

А Мишка остался. Он не уехал. Он пришёл в тот же вечер с мороженым и молча сидел с ней на кухне, пока она плакала. И Оля поняла: с ним спокойно. Не было бабочек в животе, не было дрожи в коленях, но было чувство, что земля под ногами твёрдая. И она вышла за него. За надёжную скалу.

Вечером они, как обычно, сидели дома. Ужин был простой: жареная картошка с луком, солёные огурцы, чай. Оля мыла посуду, Мишка вытирал. Потом устроились на диване — она с ногами, в его старом свитере, он в футболке и домашних штанах. Включили телевизор, но толком не смотрели. Так, фон.

— Слушай, — Мишка повернулся к ней, — а помнишь, как мы на дачу ездили в прошлые выходные? Ты там с этими грядками... как их... ну, где ты мне лекцию читала про то, что редиску надо сажать в определённую фазу луны.

Оля фыркнула.

— Ну а что? Это научный подход! Ты же потом сам радовался, когда редиска выросла как на подбор.

— Да я не спорю, — засмеялся Мишка. — Я просто вспомнил, как ты стояла с этой тляпкой и говорила: «Миша, ты не понимаешь! Это же целая наука!» А у самой земля на носу.

— Неправда! — Оля толкнула его в бок, но тоже засмеялась. — Ничего не было на носу.

— Было, было, — поддразнил он. — Я тебе даже фотографию хотел сделать, но ты увидела и давай в меня рукавицей кидаться.

— Потому что ты надо мной смеялся!

— Я не смеялся. Я умилялся.

Они смотрели какой-то старый советский фильм, который видели раз сто, но всё равно переживали за героев. Мишка комментировал вслух, Оля шикала на него, а потом сама начинала хохотать над его репликами. В такие моменты ей казалось, что всё у них правильно, человечески. Не было фейерверков, но был уют. Тёплый, как плед, который Мишка накинул ей на ноги, когда она замёрзла.

Поругались они в тот вечер из-за сущей ерунды. Мишка забыл вынести мусор, а Оля с утра ему об этом говорила. Она пошла на кухню за чаем и увидела ведро, полное до краёв.

— Миш, ну сколько раз можно говорить? — крикнула она из кухни. — Я же просила!

— Сейчас вынесу, — отозвался он из комнаты, но не двинулся с места.

— Ты всегда так! — Оля вернулась в комнату, уперев руки в бока. — Скажешь — и не делаешь. Мне что, всё за тобой делать?

Мишка поднял на неё глаза, и в них не было злости, только какая-то виноватая усталость.

— Оля, ну прости. Забыл. Честное слово. Сейчас пойду.

— Да уж, — буркнула она, но уже мягче. — Вечно я как надзиратель.

Он поднялся с дивана, подошёл к ней, обнял за плечи.

— Ну, не сердись, а? Я исправлюсь. Вон, хочешь, я завтра всю дачу перекопаю? Или тебе цветы с рынка привезу?

Оля вздохнула и уткнулась носом в его плечо. От него пахло домом, чем-то тёплым и знакомым.

— Ладно. Но мусор — сейчас.

— Сейчас, сейчас, — засуетился он, схватил ведро и выскочил за дверь. Вернулся через минуту, довольный, как школьник, который получил пятёрку. — Всё, выполнено, товарищ командир!

Оля засмеялась и покачала головой. Ну как на него злиться?

Позже, когда они уже лежали в постели, она слушала его ровное дыхание и думала о том, что жизнь её, в общем-то, сложилась. Не было в ней Генкиной беспшабашности, не было риска, но было что-то более важное — уверенность в завтрашнем дне. Мишка не бросит, не исчезнет. Он будет рядом. И это, наверное, и есть счастье? Она не знала точно. Иногда ей снились сны о другой жизни, где она мчится на мотоцикле с каким-то парнем без шлема, ветер бьёт в лицо, и она смеётся. Но это были только сны.

Утром она проснулась от того, что Мишка уже возился на кухне — гремел чашками, варил кофе. Оля улыбнулась, потянулась и подумала: «А ведь всё хорошо. Всё как всегда. И пусть будет так».

На работе её ждали всё те же бумаги, но теперь с ней была шоколадка «Алёнка», которую она не доела, и тёплое воспоминание о том, как они вчера хохотали над старым фильмом. А вечером снова будет дача, грядки, смех и, может, лёгкая ссора из-за какой-нибудь ерунды, которая закончится объятиями. И это была её жизнь. Обычная, тихая, с запахом жареной картошки и шорохом газет. И где-то глубоко-глубоко, под слоем спокойствия, всё ещё жила память о Генке — как заноза, которую не вытащить до конца. Но Оля гнала её от себя. Потому что рядом был Мишка. Надёжный, как скала. А скала — это лучше, чем ветер.

2 глава Незвесеный номер

Утро в конторе началось как всегда: чайник в углу булькал, Ирина из отдела кадров жаловалась на новую программу, а Оля раскладывала по папкам накладные. Работа была привычная, даже уютная в своей предсказуемости. Оля любила, когда всё по полочкам: бумажка к бумажке, цифра к цифре. В этом был какой-то тихий порядок, которого ей иногда так не хватало в собственной голове.

— Оля, ты слышала? Серёга из снабжения опять себе машину новую взял, — Ирина подперла щеку рукой и мечтательно вздохнула. — Хвастался вчера. Говорит, иномарка, кожаный салон.

— Молодец, — рассеянно отозвалась Оля, сверяя проводки. — Пусть ездит.

— Молодец, — передразнила Ирина. — Ты хоть раз на мужика чужого посмотрела, а? Вот идёт Серёга — высокий, видный. А ты даже головы не поднимаешь.

Оля действительно не поднимала головы. В дверях показался Сергей из снабжения — в новой рубашке, с папкой бумаг и улыбкой человека, который знает, что сегодня он особенно хорош.

— Ольга Николаевна, — Сергей положил папку на край стола и опёрся ладонью. — Накладные принёс. И вот ещё что: может, кофе? У меня в кабинете есть настоящий, не растворимый. Заодно сверку сделаем.

Оля подняла глаза, спокойно улыбнулась и покачала головой.

— Спасибо, Сергей. Сверку я вам сейчас подпишу, а кофе я с мужем пью. После работы.

— Ну, с мужем так с мужем, — Сергей не обиделся, но подмигнул. — А если передумаете — я рядом.

— Не передумаю, — ровно сказала Оля и вернулась к бумагам.

Ирина проводила Сергея взглядом и зашептала:

— Вот ты железная, Оля. Он же к тебе уже который месяц подъезжает.

— Ирина, — Оля вздохнула, — мне Мишка после работы обещал картошку с грибами пожарить. Какое мне дело до Серёгиной рубашки?

— Ну и правильно, — согласилась Ирина. — Мишка у тебя золотой. Только скучный, наверное?

— Скучный — это когда с ним страшно и не знаешь, что завтра будет, — ответила Оля, и сама удивилась, как точно получилось. — А с Мишкой спокойно. Это разное.

Ирина хмыкнула, но спорить не стала. А Оля поймала себя на мысли, что за три года замужества ни один мужчина на работе, в магазине или на даче не вызвал у неё даже мимолётного интереса. Были всякие: кто-то шутил, кто-то заглядывался. Но Оля видела только Мишку — большого, чуть неуклюжего, с его вечной шоколадкой в кармане куртки.

В обед, когда Ирина ушла в столовую, а в кабинете стало тихо, Оля откинулась на стуле и зевнула. Телефон на столе завибрировал. Она машинально взяла его и посмотрела на экран: незнакомый номер. Оля не удивилась — партнёры из других организаций звонили часто, бухгалтеры сверяли проводки, цифры, уточняли платежи. Поэтому она, не задумываясь, нажала «ответить»:

— Алло.

На секунду в трубке было тихо. Потом раздался голос, от которого у неё всё похолодело внутри.

— Привет, малышка.

Оля замерла. Она узнала этот голос сразу, хотя не слышала его три года. Генка. Он говорил так, будто ничего не случилось. Будто вчера они расстались, будто он просто вышел за сигаретами.

— Ну что молчишь, малыш? — Генка усмехнулся. — Это же я. Я в город ездил, а теперь скоро в посёлок вернусь. Соскучился по тебе, малышка. По твоим глазам, по тому, как ты смеёшься. Помнишь, как мы на речку ночью ездили? Ты ещё ноги в воду опустила и визжала, что холодно.

Оля не могла сказать ни слова. Горло сжалось, пальцы похолодели, а в голове билось одно: «Зачем? Зачем он звонит?»

— Ну ладно, малыш, — Генка, видимо, не смутился её молчанием. — Ты, наверное, сейчас говорить не можешь. Наверное, твой рядом. Я перезвоню на днях. Никуда не убегай, слышишь?

В трубке щёлкнуло. Оля ещё минуту сидела, прижав телефон к уху, и слушала короткие гудки. Потом медленно опустила руку. В кабинете было тихо. За окном кто-то смеялся, в коридоре хлопнула дверь, а она сидела бледная, как бумага, и смотрела перед собой.

— Ольга, ты что, заснула, что ли?

Она вздрогнула. В дверях стоял Мишка — в куртке, с чуть растрёпанными волосами, с улыбкой.

— Я стучал, стучал, — засмеялся он. — Ты сидишь, как памятник, с телефоном у уха. Звонок-то уже давно прошёл?

Оля посмотрела на телефон. Действительно, прошло минут пятнадцать. Она попыталась улыбнуться.

— Ага... задумалась.

Мишка подошёл ближе, заглянул ей в лицо. Он был не из тех, кто допрашивает, но тревогу в его глазах она всё равно заметила.

— Ты какая-то белая. Голова болит?

— Немного, — соврала Оля. — От цифр.

Мишка полез в карман и достал конфетку в прозрачной обёртке.

— Держи. «Коровка». Говорят, от сладкого мозги лучше работают.

Оля взяла конфетку. Пальцы всё ещё немного дрожали.

— Спасибо, Миш.

— Я вообще-то заскочил на минуту, — он виновато посмотрел на часы. — Мне ехать надо, шеф ждёт. Вечером всё расскажешь. Или не расскажешь, — добавил он мягко. — Как захочешь.

Он быстро поцеловал её в макушку и ушёл. А Оля осталась сидеть с конфеткой в руке и с ощущением, что в её спокойную жизнь только что влезли грязными ботинками.

Весь оставшийся день она работала как в тумане. Цифры плыли, накладные путались, Ирина дважды переспрашивала одно и то же. Оля не понимала, как реагировать на звонок. Что сказать? Как себя вести? Когда он позвонит ещё раз, а он позвонит, она это знала. Генка был из тех, кто не отступает, пока не получит своё. Но что он хочет? Просто вернуться? Просто проверить, на месте ли она, как старый чемодан на антресолях?

Дома вечером они с Мишкой сидели на кухне. Мишка жарил картошку с грибами, что-то рассказывал про соседа по гаражу, который опять не закрыл ворота. Оля сидела рядом и держала кружку с чаем. Тепло от кружки растекалось по ладоням, и понемногу внутри становилось тише.

— Ты какая-то тихая сегодня, — заметил Мишка, помешивая картошку. — На работе что-то?

Оля хотела сказать правду. Прямо сейчас, вот так, как есть: «Мне Генка звонил». Но посмотрела на Мишку — на его широкую спину, на то, как он аккуратно подцепляет картошку лопаткой, как проверяет, не пригорело ли, — и поняла, что не может. Не потому, что врала. А потому, что не хотела пускать Генку даже в этот разговор. Он не заслуживал места за их столом.

— Отчёты дурацкие, — сказала она. — Голова кругом.

Мишка обернулся, вытер руки о полотенце и подошёл. Молча обнял её со спины, подбородком упёрся в макушку.

— Ничего, — сказал он. — Завтра пятница. Поедем на дачу, вскопаем грядки, сожжём листья. Ты мне про свою луну расскажешь, я послушаю.

Оля засмеялась и почувствовала, как отпускает.

— Ты каждый раз слушаешь, и каждый раз с таким лицом, будто я тебе про налоги.

— Ну а что? — Мишка ухмыльнулся. — Мне нравится, когда ты умничаешь.

Позже они смотрели телевизор, ели ту самую картошку с грибами, спорили из-за последнего куска и хохотали так, что соседи, наверное, стучали. Оля смотрела на Мишку и думала: вот он, её человек. Не Генка с его «малышка» и пустыми обещаниями. Мишка. Который просто рядом. Каждый день. Без фейерверков, но с картошкой, с шоколадкой, с тем самым спокойствием, которое она три года назад приняла за скуку, а теперь поняла, что это и есть любовь.

На следующий день она пришла на работу чуть раньше. Села за стол, открыла программу и вдруг ясно, как будто кто-то щёлкнул внутри, поняла: она больше никогда не будет разговаривать с Геннадием. Никогда не встретится с ним. Ни за что. Ей нужен только один человек — Михаил. И не потому, что так правильно, а потому, что по-другому она уже не хочет.

Она даже улыбнулась. Ирина заметила и спросила:

— Ты чего сияешь? Премию дали?

— Нет, — сказала Оля. — Просто день хороший.

Через три дня, когда она разбирала бумаги, телефон снова завибрировал. На экране снова был тот же незнакомый номер. Оля посмотрела на него спокойно. Вот и всё. Вот и настал момент. Она взяла трубку.

— Аллю.

— Привет, малышка, — раздался знакомый голос. — Ну что, соскучилась? Я же обещал перезвонить.

Оля выпрямилась на стуле. Внутри не было ни страха, ни дрожи. Только твёрдое, ясное чувство.

— Гена, — сказала она сухо и жёстко, так, что сама удивилась. — Не звони мне больше. Никогда. И не тревожь. У меня есть муж. Я его люблю. А ты оставь меня в покое. Всё. Прощай.

Она не дала ему ответить. Нажала «отбой» и положила телефон на стол. И вдруг улыбнулась. Широко, легко, как не улыбалась уже давно. Надо же. Она смогла. Она сказала это. И ничего не рухнуло, земля не ушла из-под ног. Наоборот, стало как-то просторнее.

Вечером она пришла домой, где Мишка уже возился с ужином, и обняла его прямо в прихожей, не снимая пальто.

— Ты чего? — удивился он, но обнял крепко. — Случилось что?

— Нет, — сказала Оля. — Просто соскучилась.

Мишка засмеялся.

— Так мы же утром виделись.

— Всё равно, — сказала она и уткнулась носом в его плечо. — Всё равно.

Она знала, что теперь будет так: спокойно, тепло, по-настоящему. Без звонков из прошлого, без «малышки» от чужого человека. Только Мишка, только их дом, только их обычная, скучная, самая лучшая жизнь.

3 глава Джин из бутылки

Первые два дня после того разговора Оля ходила с ощущением, что внутри неё кто-то тихо навёл порядок. Она даже поймала себя на том, что улыбается в пустой кабинет, вспоминая, как твёрдо сказала: «Не звони мне больше. Никогда». Надо же. Три года молчала, а тут — как отрезала. Она представляла, как Генка сидит там, в своём городе, с телефоном у уха, и в кои-то веки не знает, что сказать. И это было приятно.

Вечером она жарила котлеты, а Мишка стоял рядом и резал хлеб. Он что-то рассказывал про то, как у них в гараже кот застрял в капоте, и Оля слушала и смеялась. Всё было хорошо. Правда, хорошо.

А потом что-то щёлкнуло.

Первый раз это случилось на третий день, в столовой, когда она ждала, пока подруга Ирина расплатится. Оля смотрела в окно на мокрый асфальт, и вдруг в голове само собой, как чужой голос, прозвучало: «А вдруг он звонил не просто так? Вдруг у него было что-то важное?»

Она даже головой тряхнула.

Важное. Ну конечно. Чего у него может быть важного, кроме собственного самолюбия? Но мысль не ушла. Она залезла глубже, как заноза, и вцепилась.

А вдруг он понял? Вдруг он, правда, изменился? Столько лет прошло. Люди же меняются. Может, он теперь не тот Генка, который уехал, а какой-то другой, взрослый, серьёзный...

— Ты чего? — Ирина ткнула её в бок подносом. — Стоишь, как на приёме у невролога.

— Да так, — Оля заставила себя улыбнуться. — Голова немного.

— Ты последние дни вообще какая-то, — Ирина прищурилась. — То сияешь, то как туча. У вас с Мишкой что ли?

— Нет, — резко сказала Оля и тут же смягчилась. — Нет. Всё хорошо. Правда.

Ночью она лежала рядом с Мишкой, слушала его дыхание и думала. Мишка дышал ровно, глубоко, чуть посапывая. Он всегда засыпал за две минуты. Всегда. Раньше это казалось ей замечательным — вот человек, у которого в душе порядок. Теперь почему-то раздражало.

Как можно вот так просто взять и заснуть? — думала она. Я тут с ума схожу, а он спит.

Мысли шли одна за другой, и она не успевала их остановить. Это было как если бы кто-то открыл кран и ушёл.

А вдруг он что-то хотел сказать? Вдруг он просто не успел? Он же сказал «я перезвоню». Значит, хотел поговорить. А я его — «не звони». Так грубо.

Она поморщилась от самой себя. Так грубо? Он её три года назад просто выкинул, как старую куртку. Даже не объяснил ничего. Сказал: «Ты меня тормозишь», собрал сумку и уехал. А теперь ей же и совесть?

Но тогда я была молодая, глупая. Может, и правда тормозила. Может, он чувствовал, что ему надо ехать, расти. Может, он не мог по-другому, а я не поняла...

И тут память, как назло, подсунула не то, что было на самом деле, а то, что хотелось помнить.

Озеро. Ночь. Генка вытаскивает её из лодки, оба мокрые, она визжит, он смеётся громко, на весь пляж. Потом плед на плечах, и его рука горячая, и он говорит: «Ты у меня самая». И сердце у неё тогда билось так, что, казалось, весь посёлок слышит. Не так, как сейчас. Не так.

Оля открыла глаза и уставилась в потолок.

Не так, как с Мишкой.

Господи, — подумала она и почувствовала, как внизу живота что-то тянуще свело, тепло и неловко. Да что со мной? Я же его ненавижу. Он же меня предал.

Но тело слушало не голову. Тело помнило.

Утром она проснулась раньше и варила кофе. Мишка вышел на кухню в трусах и растянутой футболке, сел за стол, открыл ноутбук и начал копаться в какой-то схеме. И сопел.

Оля смотрела на него и не могла понять: почему раньше она этого не слышала?

Сопел. Через нос. С присвистом. И когда задумывался — высовывал язык, кончик, немного вбок. И чесал макушку, вот этой своей манерой, пятернёй, назад, как будто причёсывался пальцами.

— Миш.

— А?

— Ты сопишь.

Он поднял глаза, моргнул.

— Я?

— Ты. Как паровоз.

— Ну... дышу я так, — растерялся он. — А что, громко?

— Неприятно, — сказала она и сама удивилась, зачем это сказала.

Мишка посмотрел на неё, закрыл ноутбук и тихо сказал:

— Извини.

И всё. Встал, ушёл в ванную, а она осталась сидеть с кофе и с чувством, что сделала что-то маленькое и гадкое. Но злость отчего-то не проходила.

Через пару дней случилось то, что раньше не случилось бы никогда.

Мишка пришёл с работы и, как обычно, переоделся в свою старую серую футболку с растянутым воротом и штаны с пузырями на коленях. Оля в это время мыла пол.

Она выпрямилась с тряпкой в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.